

«СЛОВА О ГОТОВНОСТИ ПОКУПАТЬ ИНОСТРАННЫЕ ТАНКИ — ЭТО БОЛЬШЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ, А НЕ ПРОДУМАННЫЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ШАГ»

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ БРОНЕТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ В РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ В ИНТЕРВЬЮ BUSINESS GUIDE РАССКАЗАЛ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМИССИИ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ОЛЕГ БОЧКАРЕВ.

BUSINESS GUIDE: На протяжении нескольких лет военные утверждали, что имеющегося количества бронетанковой техники вполне достаточно. Что более перспективно — модернизировать ее старые образцы или покупать уже новые?

ОЛЕГ БОЧКАРЕВ: Если говорить о существующем парке, то ранее он был действительно переразмерен — например, на вооружении у нас состояло примерно 25 тыс. танков, в общей сложности насчитывалось более 26 типов. Представляете, насколько сложно это обслуживать? Тем более что у государства сейчас нет тех задач, которые были после Великой Отечественной войны, когда формировался такой мощный бронетанковый кулак. Поэтому решение о сокращении количества техники и ее типажей было абсолютно оправданно. Этот процесс был запущен как идеология в 2010 году.

Государство пошло на такие серьезные финансовые затраты, заложив разработку по всей линейке образцов, которые должны занять основное место в боевом составе к 2020 году. Но до этого момента еще сколько времени пройдет? Много. А боевая техника должна быть готова выполнять задачу уже сегодня. Поэтому параллельно с разработкой новой техники и ее массовой закупкой после 2015 года ведутся ремонт и модернизация существующих образцов техники. Выбирали наиболее перспективные, модернизация и ремонт которых позволяют вывести военную технику на современные параметры. Сегодня такие работы проводятся с танком Т-72, с БМП-2, с БТР... Год от года объем ассигнований на ремонт и модернизацию будет идти по нисходящей, а затраты на закупку новой техники с 2015 года начнут расти большими темпами. К 2020 году техника будет обновлена на 70%.

Минобороны вывело из боевого состава морально и физически устаревшую технику. Начаты новые разработки всех перспективных образцов: создаются новый танк, новая БМП, новый БТР, новая военная автомобильная техника. Последние наши разработки датированы концом 1990-х годов. Согласитесь, что сегодня уже совсем другой мир, совершенно иные условия и задачи, которые надо решать. С 2011 года эти работы стартовали, а сегодня вышли на промежуточный финиш. Так, на выставке в Нижнем Тагиле во время закрытого показа военному руководству и правительству была показана полная линейка всей бронетехники сухопутных войск. Увидеть эту технику воочию можно будет 9 мая 2015 года на параде в честь 70-летия победы в Великой Отечественной войне.

BG: Производственные мощности предприятий позволяют реализовать поставленные задачи?

О. Б.: Для того чтобы промышленность была готова, параллельно с госпрограммой вооружений идет реализация федеральных целевых программ развития оборонно-промышленного комплекса. Ее объем составит около 3 трлн руб., бюджетная составляющая достигнет порядка 60%, а оставшиеся 40% компании восполнят за счет собственных средств. Когда государство вкладывает такие деньги в развитие производства, то ставит определенные условия. Сейчас эти деньги реально поступают в промышленность, примерный объем инвестиций в этом году составил порядка 100 млрд руб., а в течение трех ближайших лет эта цифра составит более 200 млрд руб. Предприятиям, задействованным в создании бронетанковой техники, достанется к 2020 году более 250 млрд руб. Но это примерная экспертная оценка.

Обязательно нужно учитывать, что при модернизации производства многое оборудование, станки, технологии имеют двойное назначение. И предприятиям можно не только производить военную технику, но и гражданскую продукцию. Я считаю, что не надо закидываться на производстве вооружения и военной техники. Промышленникам надо ставить такие задачи, чтобы была диверсификация производства. Не стоит им позволять сидеть только на таком гарантированном и стабильном рынке, как гособоронзаказ — надо еще работать в конкурентной среде. Есть, конечно, и чисто военные технологии, которые только нужны для обороны. Но создание бронетанковой техники — это в основном обыкновенное машиностроение, не более того.

BG: Насколько, по вашей оценке, нынешние образцы бронетанковых вооружений могут соответствовать мировым аналогам? Имеет смысл закупки последних для нужд Минобороны РФ?

О. Б.: По моему мнению, слова о готовности покупать иностранные танки — это больше политическая акция, а не серьезно продуманный управленческий шаг. Российское государство самодостаточно и имеет полный цикл производства всего вооружения военной техники. Абсолютно неправильно, когда такая мощная страна покупает иностранную технику, имея свою оборонную отрасль. Возможно, что эти заявления военных не отражали их реальный настрой, а были вызваны желанием подхлестнуть российскую промышленность. Просто военным не стоит забывать, что критикуют они технику, созданную по их техническим заданиям. Ведь конструкторы не формируют технический облик машины, а всего лишь выполняют указания заказчика. Сегодня заказчики поменяли свои изначальные требования, взяв все самое лучшее с каждого английского, французского, американского, немецкого танка и выбрав самые лучшие параметры.

Но не стоит забывать про баланс, ведь машина — это баланс характеристик. Ты можешь что-то улучшить, а другое можешь потерять. Сделаешь его большим, например, потеряешь мобильность, скорость, дальность хода на

одной заправке. А ведь на войне бензоколонок на дорогах нет. Сейчас, как мне кажется, пикировка между военными и промышленным комплексом завершена. Старая техника такова, какова она есть: надежна, устойчива и, самое главное, проста. В чем еще фишка российской техники — она простая. В бою некогда будет следить за кучей кнопочек и лампочек, дисплеев, иных приборов. Там же стресс, адреналин, замкнутое пространство, взрывы, гул... Поэтому чем проще, тем надежнее.

Другое дело, что когда военные получили доступ к иностранной технике, то увидели отличия, которые бы хотели видеть на российских образцах вооружений. Немецкая, английская, американская школы танкостроения имеют большие традиции. Но у них танки больше, крупнее, тяжелее, но только из-за того, что они создают более комфортную среду обитания для экипажа. У них экипаж составляет четыре человека, а у нас экипаж — три. Почему? Да потому что мы танки делаем на более высоком технологическом уровне: у нас автомат заряжания вместо четвертого члена экипажа. Советская танковая школа — одна из самых сильных в мире. Трудно сказать, чья техника лучше, поскольку за 30–40 лет танковых боев в реальных условиях не было. Последние столкновения наших и иностранных танков происходили давно в регионах Персидского залива и Африки. Наша техника показала себя хорошо.

BG: Насколько еще хватит экспортного потенциала российской бронетехники в лице БМП-3 и Т-72?

О. Б.: БМП-3 была принята на вооружение в конце 1980-х годов и фактически была единственной бронемашинной в России, которая поставлялась за рубеж в 1990-е годы. У нас 20 лет назад весь экспорт обвалился и на внешнем рынке присутствовала только БМП-3. Мы с 1992 по 2000 год продали 1,3 тыс. таких машин, что стало рекордом. За последнее время эта модель прошла модернизацию, и она достаточно востребована. Может, не в таких больших объемах, как хотелось бы, но тем не менее.

Танк Т-72 мы сейчас не производим, поставляем из наличия тем странам, которые хотят приобрести бронетанковую технику, но не имеют серьезных возможностей в военном бюджете. Это самый массовый танк в мире, близко к нему ни одна машина не стоит. У модернизированного Т-72 еще есть будущее. Думаю, что еще лет 10–15 страны с не очень сильной экономикой будут покупать данную машину. Параллельно будем развивать экспорт танка Т-90 и его модернизированных версий.

BG: На каком этапе сейчас находится проект «Армата»?

О. Б.: Сделаны первые образцы, которые проходят предварительные испытания. И это не виртуальная картинка на компьютере, а реальная боевая машина. Просто нужно понимать, что этап создания техники занимает не один год. Как только машина появляется в металле, начинаются производственные испытания, которые выявляют недостатки. Начинается этап корректировки конструкторской документации, ведется доработка этой машины.

BG: Когда над этим проектом работали, то считалось, что многие разработки были взяты с танка Т-95. Это действительно так?

О. Б.: Т-95 был создан к 2000 году, получилась очень хорошая машина. Но вооруженными силами было принято решение о разработке другой модели, которая и получила название «Армата». Мы не стали изобретать велосипед, с самого начала используя для создания «Арматы» лучшие достижения, которые были в Т-95. То, что мы достиг-

ли в нем, позволило обогнать наших «товарищей» по танковому производству лет на 10–15. Это позволило снизить расходы. Если есть научный задел, хорошие решения, тогда просто глупо это не взять в облик новой машины. Более того, я могу сказать, что у нас есть неиспользованные заделы Т-95, которые мы держим как козырь. И в любой момент мы можем эти козыри внедрить в жизнь.

BG: «Армата» станет унифицированной платформой, на базе которой будет создана линейка техники сухопутных войск?

О. Б.: Абсолютно верно. В сухопутных войсках большое многообразие техники. И мы так выстраивали техническую политику, чтобы не допустить многообразия шасси. Унифицированное решение позволяет облегчить снабжение запчастями, обустройство инфраструктуры для ремонта, сервиса, обслуживания. Это целевой показатель для всех других промышленников: производя боевую технику, они обязаны брать за основу уже соответствующее шасси.

BG: Какое у вас отношение к колесным танкам? Министерство обороны РФ испытывало итальянские Centauro — впечатления в целом были положительные.

О. Б.: Сегодня в общемировом масштабе боевая колесная техника востребована. Многие боевые действия идут в тех местах, где есть инфраструктура, есть дороги, твердый грунт. За последние десять лет продажи боевой техники на колесе показали просто гигантские темпы роста. Да и военные развивают это направление. Обычно техника такого рода имела малокалиберное вооружение, но сейчас есть образцы и с крупнокалиберным вооружением.

Пока приобретение военной колесной техники в массовом порядке для наших вооруженных сил не стало нормой. Во-первых, мы ни на кого не собираемся нападать, мы не проводим спецопераций в Африке или Азии. А для защиты России особой необходимости в такой технике у нас нет. Вот, например, по нашей средней полосе, когда прошел дождь, по этой каше на колесе не проедешь. Да и боеприпасов в колесную технику много не загрузишь: она все равно по грузоподъемности имеет свои ограничения. Но работы ведутся. На выставке в Нижнем Тагиле была показана машина «Атом» с калибром пушки 57 мм. Это еще не танковая пушка, но уже и не малокалиберное вооружение. Потенциал виден, поэтому работы ведутся, промышленность сама в инициативном порядке делает шаги в этом направлении. Но это вопрос завтрашнего дня, не сегодняшнего.

То, что военные проводили испытания машин, — это правильно, поскольку они должны были убедиться в ее реальных характеристиках. И когда испытания были окончены, военные сами пришли к выводу: а зачем? Сейчас пыл военных уже поуял, но работа не прекращена, просто ведется она не первым номером.

Интервью взял ИВАН САФРОНОВ

В ЧЕМ ЕЩЕ ФИШКА РОССИЙСКОЙ ТЕХНИКИ — ОНА ПРОСТАЯ. В БОЮ НЕКОГДА БУДЕТ СЛЕДИТЬ ЗА КУЧЕЙ ЛАМПОЧЕК. ПОЭТОМУ ЧЕМ ПРОЩЕ, ТЕМ НАДЕЖНЕЕ